

В каюте Су И расстегнул верхнюю одежду, обнажая поясницу, чтобы Чжун Мин мог втереть лекарственное масло.

У моря летом жарко, и геры под верхней рубахой обычно носят что-то вроде небольшого нагрудника-дудоу: спереди лоскут ткани прикрывает грудь и живот, а сзади его держат лишь две завязки. Снимать его не было нужды, он не мешал, но среди бела дня, да ещё и оставаясь в таком виде даже перед собственным мужем, Су И оказался впервые и всё же чувствовал себя непривычно.

Чжун Хань по дороге домой был перехвачен Тан Ин и Тан Цюэ, которые позвали его копать моллюсков, так что на лодке сейчас были только они с Чжун Мином. Су И провёл ладонью по руке, потом медленно лёг на циновку.

Пока гер снимал одежду, у Чжун Мина ещё шевелились кое-какие мыслишки, но стоило увидеть синяк на его спине, и все они мигом рассеялись без следа.

— Как же ты так ударился? Огромный синяк, да ещё и опухло!

Он сам был крепким, с грубой кожей, от обычных ушибов следов почти не оставалось, и раньше он даже не подумал, что у Су И травма окажется такой пугающей.

— Я всё-таки слишком легко обошёлся с тем мерзавцем, — с невольной злостью сказал Чжун Мин.

Су И, повернув голову на циновке, тихо увещевал:

— Он ведь, в конце концов, и правда не поднял на меня руку. Если ты переборщишь, а он потом пойдёт жаловаться в ямен, то мы, даже имея правду за собой, окажемся неправыми. Да и ученик в клинике говорил, что я просто худой, кожа да кости, вот и выглядит страшно.

Чжун Мин шумно выдохнул; только собрался налить масло, а теперь даже коснуться боялся.

— Я знаю меру. Теперь, когда у меня есть семья, я уж точно не стану действовать сгоряча.

Су И снова лёг на живот, обнажив спину. Осознавая это, он спрятал лицо в сгиб руки и глухо пробормотал:

— Ты только начинай, разомнёшь, и боль пройдёт. На самом деле сейчас уже не так больно, правда, всё в порядке.

Однако, чтобы он ни говорил, во время массажа боль всё же ощущалась. Чжун Мин держал силу под контролем: слишком слабо — толку не будет, слишком сильно — замучает. После этой

процедуры оба сильно вспотели.

— Не спеши одеваться, пусть проветрится, — сказал он.

Чжун Мин взял в руки веер из бананового листа и начал обмахивать супруга. Лёгкий ветерок шевелил пряди у висков и на лбу, и Су И, ощущая приятную прохладу, блаженно прикрыл глаза, словно котёнок, и чуть подался в его сторону. Чжун Мин опустил плечо, позволяя ему устроиться удобнее.

Домашний кот тоже мирно спал, развалившись в углу циновки кверху пузом. Чжун Мин пару раз обмахнул веером в его сторону; Додо шевельнул носом и лениво качнул пушистым кончиком хвоста. Оба, заметив это, невольно рассмеялись.

— Устал? Утром встал слишком рано. Пообедаем, и приляжешь ненадолго, — сказал Чжун Мин, опустив взгляд на гера, что устроился у него на плече. С этого ракурса хорошо был виден его небольшой аккуратный нос.

А ведь Су И, по правде говоря, был совсем не дурён собой. Как рассказывала вторая тётка, раньше его маленький отец в своей рыбацкой деревне слыл человеком с утончёнными чертами, а отец — статным мужчиной с густыми бровями и выразительными глазами. С такими родителями как же мог родиться некрасивый гер? Просто многолетняя усталость, недоедание и тяжёлый труд сумели скрыть весь его природный свет.

Но стоило словам слететь с уст, как гер вдруг распахнул глаза, протёр их и сказал:

— Не хочу спать. Как можно днём отдыхать? Заснёшь, и проснёшься неизвестно когда, а там дел много.

Он ведь на послеобеденное время уже наметил немало дел: нужно было выставить на солнце сушиться заготовки, приготовить новую партию креветочного соуса, да и у Сяо Цзя штаны позавчера зацепились о камень и порвались, а сегодня как раз купили иглу с нитками, вот и подошло время подлатать.

Ещё нужно было сшить для Чжун Мина новую поясную сумку: вчера вечером он уже раскрыл ткань, теперь оставалось найти время и сшить.

Горьковато-терпкий запах масла витал в воздухе; Су И глубоко вдохнул, и голова прояснилась. Надев верхнюю одежду, он увидел, как Чжун Мин поднялся и распахнул закрытую дверь каюты. Влажный морской ветер тут же ворвался внутрь, а пот, казалось, и не собирался высыхать.

— Сегодня солнце в самый раз, давай нагреем воду, вечером вымоем головы и искупаемся, — предложил Чжун Мин. В жару был хотя бы один плюс - если выставить воду на солнце на

полдня, она становилась приятно тёплой на ощупь.

Су И, услышав его слова, подошёл к бочке с водой и взглянул внутрь:

— Боюсь, этой воды до завтра утром не хватит.

— Не страшно, — отозвался Чжун Мин. — Когда придёт лодка с водой, скажем, чтобы набрали нам ещё бочку.

Они зачерпнули воду и наполнили ею деревянный таз, немного плеснули и в купальную бочку, но не слишком много, иначе солнце не успеет её как следует прогреть.

За это время Чжун Мин всё время следил за Су И, не позволяя ему нагибаться, и заодно взял на себя работу по сушке заготовок. Он выпотрошил и очистил от внутренностей десяток с лишним мелких рыбёшек под названием «ланьчуаньдин», которых чуть раньше принёс с берега Тан Дацянь, и разложил их сушиться, чтобы потом приготовить из них сушёную рыбу к столу.

Перед обедом вернулся Чжун Хань, принеся полное ведёрко моллюсков.

— Пусть полежат, выпустят песок, а вечером пожарим целую чашку, будет ещё одно блюдо, — сказал Чжун Мин.

Говорил он это, занимаясь обедом: из утреннего улова — ракушек «генеральский шлем» и белых моллюсков — он сварил в суп, а мясо морских улиток, предварительно расколов раковины и нарезав ломтиками, обжарил с луком и имбирём. От горячего масла кусочки улитки свернулись и побелели с лёгким золотистым оттенком, и на блюде выглядели куда аппетитнее, чем просто сваренные в воде.

Керамический горшок, в котором на лодке обычно готовили, для жарки был не слишком удобен, и Чжун Мин подумал, что в следующий раз стоит заказать у кузнеца небольшой железный. Маленький, наверное, обойдётся в несколько лян серебра. Но железный котёл прослужит много лет, так что потрачены деньги будут не зря. Он поделился этой мыслью с Су И, и тот сразу согласился,

Еда была подана на стол, и аромат быстро наполнил всё вокруг.

— Ну как на вкус? — спросил Чжун Мин.

Додо, привлечённый запахом мяса, подошёл, понюхал, поднял хвост и тут же ушёл. Кошка, живущая у моря, каждый день ест свежую рыбу и к человеческой еде с приправами особого интереса не питает.

Су И попробовал ломтик мяса морской улитки — совсем другое дело: обжаренное в масле, с луком, от которого шёл аромат, оно оказалось вкуснее, чем он ожидал, и он ел с удовольствием, а проглотив, всё ещё жалел, что кусочек уже закончился.

Жарить еду хлопотно, да и масла уходит много, поэтому в деревне такие блюда обычно подавали только во время угощений. А раз готовили их редко, большинство людей воды в этом искусстве не слишком разбирались — кроме варки, запекания в соли, засолки рыбы и приготовления соусов, хорошо если кто умел сварить рагу. Здесь уж совсем мало мужчин умели вести хозяйство.

— Очень вкусно, — проглотив кусок, серьёзно сказал Су И.

После него похвалу добавил и Чжун Хань:

— Старший брат готовит вкуснее, чем вторая тётя.

Чжун Мин щёлкнул его по носу:

— Маленький баловник, так нельзя говорить, а то ещё придёт вторая тётя и нам обоим уши надерёт.

Чжун Хань, обхватив чашку, покачал головой:

— Вторая тётя не станет драть мне уши, только старшему брату.

Су И, рассмеявшись, прикусил кончик палочки для еды, глядя на братьев. Его плечи слегка подрагивали от смеха, а когда он выдохнул, то вдруг понял, что жизнь сейчас и правда хороша: спокойный обед, без спешки, вкусный и сытный, и можно есть медленно, не боясь, что кто-то окрикнул.

Раньше он и во сне не смел мечтать о такой жизни.

Пошутив с младшим братом, Чжун Мин поднял глаза на Су И, и в его взгляде, полном глубокой, мягкой улыбки, всё стало теплее.

— Ешь побольше, в кастрюле ещё остался суп и рисовый пирог.

«Ешь побольше» — это сейчас были три самые частые слова Чжун Мина: раньше он говорил их младшему брату, теперь добавился ещё и супруг, и ему хотелось откормить обоих.

Обед закончился так, что в чашках и тарелках не осталось ни крошки. По прежней привычке

Чжун Хань после еды должен был немного переварить и лечь спать, но сегодня он упёрся и решил помогать Су И готовить креветочный соус.

Первым шагом было засыпать мелких креветок в каменную ступу и толочь, пока они не превратятся в однородную массу. Работа скучная и однообразная, но для Чжун Ханя это было внове. Ребёнок, пока не взялся за дело, и понятия не имел, что такое усталость, а ему всё казалось забавным. Чжун Мин же думал об этом иначе.

Креветочный соус был делом Су И, а Чжун Хань всё-таки оставался его родным братом. И пусть он ещё мал, в некоторых вещах всё же надо было быть ясным и аккуратным.

— Сяо Цзай, не отвлекай свою невестку, потом старший брат сводит тебя на рыбалку.□□

— Не хочу, снаружи жарко, я хочу остаться на лодке с невесткой, — заявил Чжун Хань. С тех пор как Су И появился в доме, он уже не лип к Чжун Мину так, как раньше. И хоть сказал, что не будет спать, после сытного обеда всё равно начинало клонить в сон; сейчас он лениво прильнул к Су И, который штопал штаны, и никак не хотел уходить, мягкий, тёплый и липкий, словно кусочек рисового пирога.

Су И провёл ладонью по его макушке.

— Раз малыш хочет остаться, пусть остаётся, мне как раз пригодится маленький помощник.

— Я боюсь, что он не поможет, а только будет мешать, — возразил Чжун Мин. Некоторые вещи, если их не обсудить прямо, со временем могут стать камнем преткновения. Подумав, он отправил брата к носу лодки играть с котом, а сам сел рядом с Су И, наблюдая, как тот вдевает нитку в иглу.

За эти годы, живя под чужой крышей, Су И выработал привычку мгновенно улавливать настроение собеседника. Стоило Чжун Мину подойти ближе, он уже отложил работу, явно готовый терпеливо дожидаться, что тот скажет.

— Ты что же, догадался, что у меня есть к тебе разговор? — удивился Чжун Мин.

Су И, сматывая остаток хлопковой нити, чуть прищурился и улыбнулся:

— Раз так говоришь, значит, и правда есть. Это связано с Сяо Цзаем?

— Ты, что ли, влез мне в голову и подслушал? Как так точно угадал? — усмехнулся Чжун Мин.

Чжун Мин слегка улыбнулся и, не обращая внимания на жару, коснулся плечом плеча Су И. Помолчав, он наконец сказал:

— Сяо Цзай хоть и ещё маленький, но уже в том возрасте, когда всё запоминает. Если он будет помогать тебе с креветочным соусом, я боюсь, что однажды, играя с другими детьми, по глупости проболтается. Дети говорят без умысла, но взрослые ведь слушают с умом.

Су И чуть замер, затем встретился с его взглядом и в одно мгновение понял, к чему тот клонит.

— Этот соус для тебя очень важен, — сказал Чжун Мин, заметив на его лице выражение внезапного понимания, и решив уже высказаться прямо. — Кому ты хочешь рассказать, а кому нет — решать только тебе.

Су И медленно поглаживал ткань в руках, и лишь спустя некоторое время ответил:

— В моём сердце мы — одна семья. Ты, Сяо Цзай, и... и наши будущие дети. Это наш маленький дом, и в нём мне нечего от тебя скрывать. Всего-то соус, разве это тайна? Сяо Цзай очень понятливый, стоит лишь пару раз сказать ему, и он будет держать язык за зубами.

Чжун Мин слушал его слова, глядя на сидящего напротив гера. Тот чуть склонил голову, и тонкая изящная шея вытянулась плавной дугой; в каюту падал косой луч солнца, золотя кончики его ресниц, и даже мягкий пушок на ушах был виден отчётливо.

Он не удержался и наклонился ещё ближе, слегка прикусив кончик уха, губами коснувшись прохладной серебряной бусинки, а кожа вокруг оказалась тёплой и горячей.

Разговор ведь шёл о серьёзном, да и обе створки каюты были распахнуты настежь, так что этот внезапный порыв Чжун Мина напугал Су И: рука дёрнулась, игла выскользнула, но, к счастью, не упала на пол — оставалась подвешенной на нитке, иначе пришлось бы искать.

А Чжун Мин, вместо того чтобы смутиться, ещё и поддел его:

— Мы же уже женаты, с чего это ты до сих пор так стесняешься?

— А кто ж виноват, как не ты, что вдруг... — начал было Су И, но не успел договорить: в каюту вбежал Чжун Хань, гоняясь за Додо.

— Невестка, почему у тебя лицо такое красное? Жарко, что ли? — с любопытством спросил он.

— Верно, — тут же подхватил Чжун Мин. — Твоей невестке жарко, ступай, принеси веер и обмахни его.

Чжун Хань послушно стал искать веер и пока не смотрел в их сторону. Су И чуть опустил плечи, на ходу коснувшись рукой уха.

Раз уж они с Чжун Мином пришли к согласию в том, что только что обсуждали, можно было больше к этой теме не возвращаться. Он же теперь боялся, что тот снова выкинет что-нибудь подобное, и если Сяо Цзай увидит, он сгорит со стыда. Поэтому поспешил перевести разговор:

— Ты ведь собираешься днём на рыбалку? Хочешь ещё нырнуть за абалонем? Тогда лучше иди пораньше, пока вода тёплая, а не к вечеру.

— Всё, как скажешь, — отозвался Чжун Мин, бросив взгляд на младшего брата. Убедившись, что тот по-прежнему сидит к ним спиной, он молниеносно коснулся губами щеки гера. — Пойду соберусь и нырну, как раз вернусь и искупаемся.

...

На берегу высокая, крепкая фигура одним махом скользнула в воду. Чжун Мин плыл целенаправленно: сперва набрать несколько пригоршней абалона для тушёной курицы. На этот раз он не стал разбирать, под каким камнем что растёт, каменный ли абалон или песчаный, попадётся на глаза, значит, его и брать.

Кроме того, в песке на морском дне всегда можно найти осьминогов и каракатиц. Сегодня утром он купил в деревне немного жёлтого вина - сначала для того, чтобы выпить его с Чжань Цзю, но теперь решил отложить часть на тушёную каракатицу в вине. Жёлтое вино при варке теряет свой алкогольный дух, так что и детям блюдо можно есть; у рыбаков оно считалось сытным и питательным.

Ища каракатицу, он заметил в песке моллюсков-бритвенников и прихватил немало. В море собирать их куда легче, чем на мелководном пляже: главное успеть, пока створки не ушли глубже в ил.

Бритвенники в здешних водах, у мыса Байшуй, всегда были упитанными, вполне заслуживая звания «короля бритвенников». Те семь-восемь штук, что он достал, имели выдвинутую часть тела толще его большого пальца, а если взвесить мясо вместе со створками, то выйдет добрых пол-цзиня. Этих моллюсков можно запечь в соли, обжарить или просто сварить на пару — таких крупных, сочных «королей» особенно приятно есть, и одного вполне хватит на целую чашку вина.

Помимо этого к улову добавились ещё и моллюски, что принёс младший брат, а чуть позже Чжун Мин собирался пойти на скалы закинуть удочку и выловить морского окуня, чтобы подать его с супом из ламинарии, а ещё сделать салат из кожицы медузы, и меню на вечер будет готово.

Выбор пал на морского окуня не случайно: во-первых, сразу после Ли-цю осенью его мясо особенно вкусно — белое, как тофу, нежное и сочное; во-вторых, эта рыба и сама по себе крупная, а особи на 2-3 цзиня здесь считались мелкими, так что порция для гостей выходила щедрой.

В уме прикинув блюда и решив, что план готов, Чжун Мин, довольный уловом, выбрался на берег.

К вечеру, когда алые лучи заката растеклись по небу, Чжань Цзю причалил к пирсу у мыса Байшуй на небольшой лодке. Перевозила его сюда не кто иной, как Ни У-мэй. Она ещё по дороге поняла, что этот мужчина направляется именно к лодке семьи Чжун, да и нёс он немало подарков — вино, мясо, выпечку; кто не в курсе, мог бы и подумать, что он идёт свататься.

В рыбацкой деревне мало кто поддерживал связи с жителями села на суше, в конце концов, какой сухопутный человек всерьёз уважал бы людей воды? Что уж говорить о тех, кто специально приезжал с дарами.

Чжань Цзю, будучи «сухопутной уткой», которая в своё время чуть не утонула, шёл от лодки до берега с такой осторожностью, что походка его больше напоминала крабью, да ещё и неловкую, хуже трёхлетнего ребёнка. Ни У-мэй, сдерживая смех, показала ему дорогу.

— Ты просто иди вдоль берега на юг, — сказала Ни У-мэй. — У младшего Чжуна недавно была свадьба, у них до сих пор висят красные занавеси, так что не проглядишь. Если уж совсем не найдёшь, спроси у кого-нибудь, всё равно в деревне их все знают.

Пока они говорили, Чжань Цзю наконец твёрдо ступил на пирс. Он расплатился за переправу, взял свои вещи и направился на юг. Надо сказать, хоть он и вырос в деревне Цинпу, знал, что в устьях здешних бухт и рек живёт немало людей воды, обитающих на лодках, но впервые по-настоящему оказался в рыбацком посёлке.

В бухте лодки стояли вперемежку, над ними вился тонкий дымок от очагов, и всё это казалось ему до странности новым и любопытным. Он шёл, то замедляясь, то ускоряясь, и, как советовала Ни У-мэй, разглядывал занавеси у каждого дома. При этом он и не подозревал, насколько странно смотрится со стороны: чужое лицо, совсем не похожее на людей воды, да ещё и одежда сухопутного человека.

Чжун Чунся, заметив издали крепкого мужчину с несколько скрытным, будто крадущимся видом, насторожилась. В её семье росли и девочки, и геры, словно цветы в горшках, и она привыкла относиться с осторожностью к чужим мужчинам, появлявшимся в посёлке. Поэтому, не раздумывая, подошла и окликнула:

— Эй, паренёк, ты откуда пришёл и зачем к нам, в наш посёлок?

Женщина перед ним смотрела неприветливо, голос у неё был резкий и напористый. Чжань Цзю, вспомнив, что она, возможно, родственница или хотя бы землячка Чжун Мина, сдержал раздражение и сказал:

— Тётушка, я из деревни, иду в дом Чжун, ищу Чжун Мина.

Лучше бы он этого не говорил: услышав имя, Чжун Чунься насторожилась ещё сильнее. Ей сразу пришло в голову, что это может быть какой-нибудь деревенский бездельник, с которым раньше шляется её старший племянник, а теперь явился с полными сумками, да ещё и нарочно, чтобы втянуть Чжун Мина в какую-нибудь неприятную историю.

— Где стоит их лодка, я, конечно, знаю, — сказала она, — но вот как ты с Чжун Мином познакомился? Я слышала, что раньше он в деревне честным делом не промышлял, а теперь, женившись, встал на прямой путь и больше с теми людьми дела не имеет.

Чжань Цзю, уловив скрытый подтекст, подумал, что говорит она почти как старшая родственница Чжун Мина. А поскольку он сам нередко дома терпел стариковские нотации, то был с таким тоном хорошо знаком. Чтобы не доставить Чжун Мину лишних хлопот, он поспешил заверить:

— Тётушка, вы гляньте на меня, разве я похож на какого-нибудь проходимца? В последнее время мы с братом А-Мином как раз обсуждаем одну сделку в деревне. Сегодня днём я встретил брата А-Мина и невестку И-гера, мы условились, что вечером я зайду к ним в гости, посидим, выпьем вина.

Услышав, что он даже знает И-гера, Чжун Чунься смягчила тон. Похоже, этот человек и впрямь не из числа грубых бездельников. Подумав, она сказала:

— Вот так совпадение, А-Мин ведь мой племянник. Наши лодки стоят рядом, так что пойдём, я тебя провожу.

— Неудивительно, что я сразу подумал: у тётушки лицо доброе, — отозвался он. — Оказалось, вы с А-Мином родня.

Пока Чжун Мина не было рядом, он раз за разом называл его «братом», да так тепло и по-свойски, и всю дорогу нахваливал. Чжун Чунься, слушая, постепенно сняла восемь десятых своей настороженности, а оставшиеся — когда они подошли к лодке племянника, и навстречу им вышли хозяева. Убедившись, что стороны действительно знакомы, она успокоилась окончательно.

Чжун Мин провёл Чжань Цзю в каюту, а Чжун Чунься обменялась взглядом с Су И, позвала его к себе на корму и сказала:

— Кто этот мужчина? Я встретила его по дороге, он говорил, что с А-Мином у них дело. Не обижайся, что я лезу с расспросами, просто боюсь, что мы не перехитрим сухопутных, а в итоге окажемся в проигрыше.

— Не беспокойтесь, вторая тётушка, — ответил Су И. — Это Чжань Цзю, он коренной житель Цинпу. Он... — Су И немного подумал и употребил выражение, которое слышал от Чжун Мина, — в деревне работает яжжэном: если кто-то просит его уладить дело, он становится

посредником между обеими сторонами и за это получает немного на расходы. Он не станет нас обманывать.

Су И вкратце рассказал о том, как Чжань Цзю и Чжун Мин познакомились. Чжун Чунься, слушая, несколько раз менялась в лице, а под конец только и сказала:

— Вот паршивец... И как это он ни разу не упомянул об этом?

— Думаю, просто не счёл нужным, — ответил Су И. — Чжань Цзю сказал, что в самом начале мой муж вытащил его из воды, даже имени тогда не назвал. А узнал он, кто его спас, уже потом, специально разузнав.

Чжун Чунься помолчала, нахмурившись, и в её взгляде мелькнула тень:

— Если так, то выходит, мы зря на него гршили. А ведь я опасалась, что он, шляясь по деревне, пьёт, бездельничает и дурному учится, боялась, что собьётся с пути. А теперь видно - нуто у него всегда было честное.

Теперь, вспоминая, как он когда-то решительно заявлял, что хочет снять с себя метку низкого сословия и стать городским жителем, Чжун Чунься понимала: это ведь была самая настоящая цель, просто для ребёнка из семьи людей воды этот путь слишком труден.

Вечерний стол ломился от блюд: тушёная курица с абалоном, морской окунь на пару, мясо бритвенников в луковом масле, каракатица, тушёная в жёлтом вине, моллюски в соевом соусе, холодная закуска из кожицы медузы, суп из ламинарии с яйцом. А к этому ещё и два куриных окорочка, что принёс Чжань Цзю, мясо с которых сняли и подали на блюде — всё вместе выглядело так щедро, будто встречали Новый год.

Еды оказалось так много, что часть заранее отнесли во второй тёткин дом, а оставшегося как раз хватило, чтобы всё доесть. Когда Чжань Цзю уходил, лицо его покраснелось от вина; он хватал Чжун Мина за руку и чуть ли не уговаривал тут же побрататься, но с таким делом Чжун Мин уж точно бы не согласился.

— Как бы там ни было, отныне ты для меня родной брат! — заявил Чжань Цзю.

Чжун Мин только мысленно поморщился. Такого пьяного, конечно, нельзя отпускать одного в деревню: знай он раньше, что у этого парня такой слабый желудок на вино, купил бы и жёлтого вина поменьше.

Летом дни длинные, но ужин у них растянулся на целый час, и к тому времени, как собрались, уже стемнело. Со всех сторон море, и если что-то случится, беды не миновать, поэтому Чжун Мин одолжил у семьи Тан лодку и проводил гостя сам.

Чжань Цзю, как и говорил, не бросался словами: после этого ужина он проникся к Чжун Мину ещё больше, стал работать с полной отдачей, и вскоре на принадлежащей семье Чжун уличной лавке соорудили бамбуковый навес и повесили табличку с печатью городского управления торговли.

Вскоре настал первый день восьмого месяца. С раннего утра на пристани было тесно, как в котле с кашей. Мелкий чиновник городского управления торговли, держа объявление, прикрепил его повыше, а так как грамотных среди людей воды было немного, приказал несколько раз подряд, меняя чтецов, выкрикивать текст во весь голос.

Когда собравшиеся наконец поняли, что происходит, это было похоже на камень, брошенный в воду — волны пошли на сотни кругов.

<http://bllate.org/book/13583/1205019>